

Но если следовать изначальному замыслу Син Чэньму, нельзя доверять указам от чужих рук. Разве только сам император должен лично прибыть, или командующий теневой стражи Чжо Ин должен прийти в армию, иначе, даже если он убедится, что у Вэй Яня нет намерений бунтовать, ему придётся оставаться на границе неопределённое время?

Размышляя об этом, Чэнь Цзыму смотрел в окно, где солдаты на плацу, казалось, закончили тренировки. Самый заметный из них повернулся и медленно направился к палатке.

Чэнь Цзыму не отошёл от окна, мысленно считая. Когда он досчитал до двухсот, Вэй Янь отодвинул полог палатки.

— Сегодня проснулся так рано, — Вэй Янь снял шлем, помыл руки в тазу с водой и спросил. — На что смотришь?

— На ваши тренировки. Генерал Вэй, вы так величественны.

— Величественность — это громко сказано, но служить стране на поле боя, защищая мир для этих людей, действительно было моей мечтой с детства, — Вэй Янь тоже подошёл к окну. Его палатка находилась рядом с главной палаткой для совещаний, и из неё хорошо было видно, как солдаты тренируются на плацу. — Ты, должно быть, знаешь, что мой отец тоже был генералом Чжэньбэй. В те времена Жаньин был далеко не таким спокойным, как сейчас. Когда я был ребёнком, каждый раз, когда я видел отца, он был тяжело ранен, потому что только с серьёзными ранениями он покидал поле боя. Я помню, как однажды, увидев отца, покрытого шрамами, я не осмелился подойти к нему. Тогда отец сказал мне, что это не шрамы, а дороги. Если пройти достаточно дорог, одна из них обязательно приведёт к мирному процветанию Жаньин.

— Сначала я не понимал этого, пока не подрос и не приехал с отцом на эту границу. Видя, как солдаты падают один за другим, как жители Чаньюй теряют свои дома и становятся беженцами, я тогда подумал, что стану сильным. Настолько сильным, чтобы весь Чаньюй, да и весь Жаньин, мог спокойно оставаться за моей спиной. Если Цанчуань захватит хоть пядь земли Жаньин, это будет только через мой труп.

Чэнь Цзыму застыл на месте. Прожив долгое время в столице и наслаждаясь миром, купленным кровью солдат на передовой, он впервые глубоко почувствовал героический дух: «Пожертвовать собой на острие меча, как можно дорожить жизнью?»

В этот момент он ясно ощутил, как что-то в сердце внезапно сдвинулось. Вэй Янь воспользовался моментом и легко оставил там свой след...

— Мир в Чаньюй, мир в Жаньин — ты добился этого, — лишь спустя какое-то время Чэнь Цзыму смог найти свой голос.

— Нет, этого недостаточно, — лицо Вэй Яня стало серьёзным, и он произнёс твёрдо:

— Если бы я мог заслужить достаточное доверие жителей Чаньюй, они бы не покидали свои дома при малейшем намёке на вражескую угрозу. Как и твой родственник, разве он не уехал из Чаньюй в поисках убежища? В последние дни я часто думаю: если бы сейчас в Чаньюй был мой отец, они бы доверились этой армии Чжэньбэй больше.

Чэнь Цзыму не ожидал, что его случайно придуманная история создаст такое невидимое давление на Вэй Яня. По пути сюда он узнал, что большинство постоянных жителей Чаньюй не покидали свои дома, доверяя своему генералу Чжэньбэй.

Теперь его чувства были невероятно сложны, и он не знал, как это объяснить. В конце концов, он только глубоко посмотрел на Вэй Яня и промолчал.

— Ты из купеческой семьи, наверное, такие разговоры кажутся тебе скучными?

Видя, что Чэнь Цзыму молчит, Вэй Янь предположил, что такие темы могут быть слишком тяжёлы для обычного человека, и после паузы спросил:

— А у тебя? Были ли у тебя в юности мечты или надежды на будущее?

Взгляд Чэнь Цзыму потемнел, а на губах появилась лёгкая насмешливая улыбка.

— Мечты?.. Пожалуй, только одно — выжить.

Вспоминая его рассказ о семейных распрях, Вэй Яню вдруг стало жаль его. Как же Чэнь Цзыму, будучи ещё ребёнком, пережил отравление и эти дни одиночества?

Думая об этом, Вэй Янь невольно протянул руку и погладил его по голове.

— Всё позади, вперёд будет лучше.

Когда Вэй Янь протянул руку, Чэнь Цзыму сначала не понял, что происходит, почувствовав лишь лёгкий запах трав. Только когда волосы коснулись нежной руки, он понял, что делает Вэй Янь.

Родившись в императорской семье, он с детства почти не чувствовал родительской любви. Его мать умерла рано, а он, будучи первым принцем, постоянно находился под угрозой со стороны тех, кто хотел устранить его. Это заставляло его всё время жить в страхе и никогда не расслабляться.

Даже его самый близкий наставник никогда не относился к нему как к ребёнку, словно он с рождения должен был быть разумным и сильным.

Это был первый раз, когда Чэнь Цзыму почувствовал заботу от другого человека. Хотя в свои двадцать три года он уже давно не нуждался в таком утешении.

Он не чувствовал отвращения к этой внезапной близости, но сердце бешено забилося. Он неловко отвёл взгляд.

— Да, будет лучше.

Вэй Янь улыбнулся.

— Уже поздно, пойдём поужинаем.

Когда они вышли из столовой, на улице уже стемнело. Тяжёлые тучи закрыли вечерний закат, и, казалось, собиралась непогода. Земля под ногами стала слегка влажной.

Чэнь Цзыму шёл чуть позади, его взгляд упал на мужчину в доспехах впереди, и он на мгновение замер, прежде чем следовать за ним в их спальную палатку.

После этого разговора Чэнь Цзыму почувствовал, что его отношение изменилось, и он больше не хотел просто убивать время в лагере.

Эта предстоящая война была не просто вторжением иностранцев, а заговором, вызванным борьбой за власть в императорской семье. Он и Син Чэньму планировали это несколько лет, и они не исключали, что дядя может вступить в сговор с врагом, но они не стали действовать заранее, а решили использовать ситуацию, чтобы найти доказательства измены и уничтожить все силы врага.

В конечном счёте, это была вина императорской семьи перед жителями границы и солдатами. Именно поэтому, зная, что демонстрация своих навыков может вызвать подозрения и только навредить ему, Чэнь Цзыму всё же спросил:

— Генерал Вэй, у вас есть старая травма на левой ноге?

— Как ты узнал? — Вэй Янь повернулся к нему.

Его левое колено было серьёзно повреждено, и после выздоровления остались последствия, которые вызывали боль в сырую погоду. Но об этом знал только самый старший военный врач в лагере, даже ближайшие телохранители не замечали этого. Слова Чэнь Цзыму явно удивили Вэй Яня.

— Когда вы шли, хотя это было не очень заметно, центр тяжести вашего тела смещался вправо. И когда вы отодвигали полог палатки правой рукой, левая рука непроизвольно коснулась ноги. Это естественная реакция, когда тело испытывает дискомфорт.

Вэй Янь не ожидал, что Чэнь Цзыму настолько внимателен. Выслушав его, он горько усмехнулся.

— Я думал, что хорошо скрываю это, но ты сразу заметил.

— Вы действительно хорошо скрывали, — Чэнь Цзыму сел рядом с ним. — Я уже говорил, что в нашей семье занимались торговлей лекарствами, и с детства я изучал медицинские книги. Позже, из-за проблем со здоровьем, я немного углубился в медицину, поэтому и смог заметить вашу травму.

— Ты разбираешься в медицине?

Чэнь Цзыму кивнул и медленно положил руку на запястье Вэй Яня. Вэй Янь не сопротивлялся и не останавливал его, а просто поднял голову и смотрел на его спокойное и серьёзное лицо.

Спустя какое-то время Чэнь Цзыму убрал руку и спросил:

— Сколько лет этой травме?

— Более шести лет.

Вэй Янь чётко помнил, что это была его последняя битва перед подписанием соглашения о перемирии. В то время обстановка была не лучшей, и девятнадцатилетний он вместе с отцом вёл тяжёлые бои. Вражеские подкрепления прибыли первыми, и численное превосходство противника было огромным. Продолжать сражение было почти безнадежно.

Вэй Линю пришлось согласиться с тактикой сына: отвести пять тысяч элитных солдат для отступления и подготовки засады, а Вэй Янь остался на передовой, чтобы сдерживать врага. Когда обе армии начали уставать и терять бдительность, он медленно заманивал врага в ловушку.

Тогда Вэй Янь, израненный, воспользовался моментом и использовал себя как приманку, чтобы заставить вражеского командующего отдать приказ о преследовании.

В конце концов они выиграли битву и показали Цанчуаню непоколебимый дух воинов Жаньин. После этой битвы Цанчуань сам прислал посланника с предложением о перемирии.

В том тяжёлом сражении Вэй Янь получил самое серьёзное ранение в левое колено. Стрела пробила его коленную чашечку, и из-за несвоевременного лечения Вэй Линю даже пришлось смириться с мыслью, что его сын проведёт остаток жизни в постели.

У автора есть что сказать:

□ «Пожертвовать собой на острие меча, как можно дорожить жизнью?» — из стихотворения Цао Чжи «Песня о белом коне».

<http://bllate.org/book/17724/1656764>